

Дияс Устемиров

СИНЬ ВДАЛЕКЕ

«Турар»

Бишкек 2018

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5
У 79

Устемиров Диас.
У 79   **Синь вдалеке...** / *Сборник стихов* / – 2-е изд. – Б.:
«Турар», 2018. – 72 с.

ISBN 978-9967-15-862-7

В сборник включены стихи написанные последние
два десятилетия.

У 4702300200-18

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5

ISBN 978-9967-15-862-7

© Устемиров Д., 2018
© Издательство «Турар», 2018

ОСЕНЬ

Осень мелом обводит кусты и сады,
Застревают в осоке отрывки Бизе.
Тает грустным драконом далекий дым,
Уставая один над пространством висеть.

— Все ли сделано так, как об этом мечталось?
— Вопросительным знаком повисли березы,
Может быть. Это просто желтеет усталость,
Это просто начало бессонниц и прозы.

Той, что кашель и ярость, сомненье и пот,
Диалоги других, позабытых наречий.
Где свергаются смыслы с бездонных высот,
Однозначной, тяжелой, надежной картечью.

Осень мелом обводит кусты и сады.
Не достать их отныне свинцу и проклятью.
Одинокий дракон оседает седым
На холодную маслянистую слякоть.

ДЕКАБРЬ

Что мне с того, что уже полвосьмого,
Ведь это декабрь.
Грудой металлолома встает на ребро
Плотного текста, пропитой, промерзшей
декады.

Где между строк проступает литое
воронье тавро.

Ищут заветную корку в отбросах
вчерашних
Вечно бездомные ветры. И нам нелегко
Видеть, как ветви с ними сцепились
во мгле рукопашной,
Видеть, как все это долго и как далеко...

— Где там стакан наш?.. — Проклятое
бремя животных,
Выпить и спать! — Посинеешь — осанна
тебе!

Небо, куда мы влетаем ежеминутно,
поротно,
Выстелит ложе тебе из хрустальных
прозрачных ветвей.

ГУКУ

За тобою украдкой этот ветер весенний,
Что попутно ерошит затаенные своры.
То прикинется сном, провалявшимся
в сене,
То фрагментом живым нескончаемой
ссоры.

Ты несешь эту грусть в сокровенное поле,
Не надеясь расстаться с ее немотою.
Над тобою твой ангел с надеждой
и болью,
Он всегда за тобою, он всегда
над тобою...

Ты ведь знаешь, что все возвратится
мольбою
В пустотелое небо, безымянной травой.
И никак не поймешь — все оплачено
болью,
Заставляя тебя оставаться тобою...

«ОТЧЕ ПЕПЕЛ»

Ты всегда поперек этих улиц, пивнушек
и мата,
Точно так же, как я — поперек
буколического бытия.
Я крестом выпадаю в окно из больничной
палаты,
И стрижами мои отголоски по небу летят.

Все останется там, в нереальном экране
твоей ворожбы,
В ритме вялых причин, по которым нам
выпало жить.
Познавая, как пуст и печально коварен
наш быт,
И как смертны в проеме зеркал наши
жалкие муляжи.

Это Запад нам дышит в затылок, ворочая
мокрые камни,
Заливая закаты удушливой зеленью
керосина,

НАЧАЛО ДЕКАБРЯ

Он входит размашисто — свежестью

пьян,

Прицелившись долго и нудно дурить.

Он вовсе не инь, а нахрапистый ян,

Сметает со стен и ветвей ноябри...

Утеряна паства деревьев-церквей,

Взахлеб сиротеющих смуглым штативом.

И веткам досталось коряво корпеть

Над вязью арабского речитатива.

НОЯБРЬ

Ноябрь — цветущий огонь камышей
На синих ладонях теней от холмов.
И голуби россыпью сизых клише,
И ветер, сбивающий тучки в комок.

За плечи пространство и под ноги хруст,
И вдаль, в колыбельные свитки предгорья.
Где смысл — дыханье, и воздух так пуст,
И тень — одиноким и сирым подспорьем.

Где речи небес в опереньях совы
Нависли над елями — эхом и стужей.
Где память прощает, и смысл забыт
Бумаги, рожденья, борьбы и оружия.

РАССВЕТ

Шиферные крыши в изморози,
Сизый дымок над ними,
Ворона на темном тополе
Выплевывает свое имя.

Рассвет, неуловимый и медленный,
Как сдержанное дыхание.
Все еще продолжается,
Я еще жив... Аминь...

КАЙРАТ

Памяти Кайрата Исаева

Ты в город ворвался,
А город был нов.
Чужой, белостенный,
говор степенный,
И выкрашен цветом
Безверья и снов.

Ты бился о стены,
Как ветер-вахлак,
Забывтый, забитый,
Избитый, испытый.
И спутником стал твоим сизый кулак.

Порукой тебе перед небом и болью
Все наши несчастья,
Вот эти запястья,
Заросшие черным браслетом мозолей.
Порукой тебе, наш улыбчивый брат,

Все наши стенанья
И наше незнанье
Той ереси, чьим языком говорят.

Не надо быть камнем — значительней
тенью.

Мы просто проспали и спим до сих пор.
Когда ты приходишь тоской и виденьем,
И мягко скрываешь в усах свой укор.

Теперь лишь ты понял — не надо
врываться
В общины, где сонная одурь гудит.
Не надо, улыбчивый мой, удивляться,
Все — так же надежно и мертвенно спит...

ОСКОЛОК

Тот бред, в котором памятны вершины,
Вивальди, битвы, тусклые планеты.
Банальности, что так неразрешимы,
Как Гераклит на побережье Леты.

Смесив возможные конечные понятия,
Бессонный мозг играет в карты с духом,
Анализируя все поводы к распятию,
Тасуя доводы — размеренно и сухо.

А в это время за окном светает,
И небо запекает воробьями.
И солнце, восстающее с Китая,
Сквозь тучи с огнеметными боями.

Приходит солнце и асфальт цветет.
Окурками, большущими, как радость.
Ты споро вымыт, высушен и стерт,
И ничего нам от тебя не надо...

И вечер был тот же, и голос был тот,
Который слышался Лазарю в склепе.
Когда он пил воздуха первый глоток,
Метаясь в тугих погребальных отрепьях.

Мычали коровы в далеких подворьях,
И так же далеко мычал товарняк.
Курганы — свидетели жутких историй
Сутуло шептались в замшелых камнях.

Стих голос, застигнутый лаем собак,
Затеявших где-то обычную драку.
Мой Бог из Вселенной давал мне свой знак,
Ветхозаветным ключом зодиака.

КАРТИНКИ ИЗ ОКНА

Часть речи, налоги, шоссе, бультерьер,
Сирена, арык, колготки, иваси.
Довольно несвежий с утра кавалер
С тоской провожает пустые такси.

Угрюмый омон на углах по проспекту
Настойчиво важен, всюю косолап.
В кокетливо сдвинутых черных беретах,
Жует конфискованный шоколад.

Кончается век без особых примет,
Обычные вещи не ждут антиквара.
И в списке позоров, несчастий и бед
Его ожидает забвения кара...

ОСЕНЬ

Вороны крик завяз в осенней роще,
Ослепший дождь забрел в нее наощупь
По бурым листьям, шепотом молитвы
Врастая в тишину шуршащим ритмом.

И пахнут струи эти перьями и дымом,
И горизонт, набухший и ранимый,
Врастает в небо серой тишиной.
Октябрь. Меланхолия. Покой.

ЗИМА

Зима с ее вороньим контуром и смыслом,
Деревьями неизъяснимого подтекста,
Звучит на сгибах съжившейся мысли
Далеким затихающим оркестром.

И трубы дыма, и валторна ветра,
Натуженно короткий день протянут
И гонг заката медленно темнеет,
И нет лишь пляшущей капли —
фортепьяно!

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ДЕТСТВЕ

Он смугл, как сентябрьский желудь.
На складках его рубашки
Под ветром тугим и тяжелым
Дрожат лепестки ромашки.

Он смотрит в изгибы предгорья,
На конных людей в печали,
Которыми после забредит,
Простуженными ночами.

А к кладбищу — конные люди
Верхом на конях понурых,
И темные лица будит
Загадочный смысл суры,

И пристальное небо
Плывет голубым напором,
Вливая небесную нежность
В его воспаленные поры...

НА СКЛОНАХ ОКРУГЛЫХ

На склонах округлых, как звуки печали,
Три лошади утро на холках качали,
И дальше стойбище, их провожая,
Взмахнуло дымком и заплакало лаем...

Три лошади цвета стареющей меди
Дразнили гривами вспылчивый ветер.
Они уходили заросшей тропинкой,
И ветренный дух распался на бликах
Полосками шрамов на крупах и ребрах,
Привыкших к стремени, плети и торбам.

А ветер им в уши свистел о преградах,
А травы сплетали копыта прохладой,
И вязкие тени манили покоем,
Густым, изнывающим в мяте настоем.

Но древняя жажда простора и вихря
Вела их сквозь чащи кустов облепихи.
Пугливые суслики прыгнули в норы,
Когда вдалеке засинело простором.

— Так лава вулканов несется в низины,
Так селем срываются в озеро зимы;
Так с зыбких откосов срываются камни,
— Ущелье взорвалось ликующим ржаньем.

Три лошади в поте свободы измокли,
Когда позади их послышался окрик
И выстрелы криков набухли петлею,
Стелилась погоня дрожащей землею,
А близкая степь оборвалась рекою...

В ущелье, окованном камнем и эхом,
Забилось ржанье раненной эфой,
Струной зазвенели на шеех арканы,
И кровью запели забытые раны,
И ветер унес к онемевшим лесам
Их тонкие детские голоса...

АХХАООЛ

Синий всадник на черном коне
Скачет в сумерках вдоль реки,
Ножны светятся на ремне,
А кинжал на отлете руки.

Догоняет он ветер в ущелье,
Заклубился за всадником ветер,
Сотни стонов в воздушном теле,
Колыхнули зеленый вечер.

*Только ветер и только эхо
на дорогах твоих я встречаю
Если б знала, родная, как горько
пахнет небо твоих молчаний*

*все пути занесло утратой
и остался один лишь млечный
если б только, родная, ты знала
как дожди обретают вечность*

Синий всадник на черном коне
Скачет, в небе мерцая, как звезды,
Скачет медленно, как во сне,
Рассекая прохладный воздух...

* * *

Безмолвствуют ключи,
Тяжелым неподвижным бликом
Пришита тишина к дверям.
Неистовствуют грачи:
Разбив окно на сотни черных
мельтешений,
Они растаскивают тени рам.
Здесь от безлюдья омертвели складки
На светлых шторах, превратясь в
колонны,
Прихожая наполнилась загадкой,
И пусто вазам, гулкостью смущенным.
Все ждут, когда придет
Знакомая усталость,
Разрезав вздохом застоялый день,
Чтоб эта стылость звуков смялась
И вертикали пали набекрень.
Все ждут, когда придешь,
Забрызгав стуком
Покой зеленого подъезда,
На стенке обрисуешь руку
И светом отведешь от бездны.

ОТЕЦ

Братья! Где же наш тополь,
Пропахший пометом и влагой,
Зеленый воркующий рокот
Птичьего архипелага?

Отец! Куда ты забросил
Метлу с черенком вишневым,
Подругу туманных бессонниц
Поэта предутренней дремы?

Другие листья пасутся
На нашей маленькой клумбе,
Немые закаты куцо
Пестреют оконной глубиью.

Никто не дразнит полночь
В пиале чайною ложкой.
И в долгое зимнее утро
Пуста во дворе дорожка.

Так пусто в реке без рыбы,
Сулящей таинственность камням,

Так праздник пуст без улыбок,
Что в буднях печально канет,
Так пусто в душе ребенка,
Кричащего маме вдогонку...

Порою смягчая топот
Веселого воскресенья,
Давно распиленный тополь
Бросает на коврики тени.

Лишь в сумерках звук ранимый
Полутонами окрашен.
В волокнах табачного дыма
Я слышу отцовский кашель...

МИМОЛЕТНОЕ

Старуха с собакой понурой
Уходит в туман и деревья.
Гигантской птицею тополь
Роняет желтые перья.

Летят они вслед старухе
С собакой понурой и черной,
И бредит туман росистый
Дымком кукурузы печеной,

А где-то в глуши тумана
Рассыпался визг лошадиный,
И яблони с шорохом сонным
Нащупали нити дождинок.

И вскрикнула где-то ворона
В тоске по синим отрогам,
И в поле на миг блеснула
Серебряной лужей — дорога...

ПРОЩАЯСЬ

На фоне древнего рассвета крыльев неба
Твоя улыбка — одинокой чайкой.
Такою я несу тебя в скитаньях,
Когда уже рассветов не встречаю...

Когда за мною в кладбище закатов
Ложатся пыль и голоса прохожих,
Когда повсюду только горизонты,
И от просторов леденеет кожа,

Когда уже не чувствую полыни,
Когда весь мир печален, как сентябрь,
И тень светлее неба над домами,
И все пропахло лиственной гарью...

Родная, я вернусь к тебе, вернусь,
Как в тело возвращается усталость,
Я возвращаюсь с той поры, как в
полдень,
Наивно улыбаясь, мы расстались...

СУББОТНИЙ МОТИВ

Сипит аккордеон, хромает вдоль субботы,
Несут кривые плечи предвечную печаль,
И брови переулков — фронтоновым
разлетом,
В просветах улиц горы темнеют, как
причал.

Все восемь горизонтов поют свои баллады,
И зарастает сердце большими тополями.
И ты в себе хоронишь нечаянные взгляды,
А в них ненастье ищет заветные поляны...

А всхлип аккордеона все выше и синее
— Отвесное стенанье на крыльях стрекозы,
Так голуби, как горсти из гипса, цепенеют
Под пристальным дыханьем винтовок
нарезных.

Все дальше и прозрачней невнятный
глобус песни,
Материки пришевов залиты морем гласных,
Гривастые туманы взопли над редколесьем,
И все вокруг притихло, застыло и погасло...

ОСЕННЕЕ

Как рыбины на нересте, троллейбусы
снуют,

Взметая сухую листву
Оранжевую...

Ахнув, перекрестки
Изводят душу и Бога,
Своим гортанным воем
Застоялой тревоги.

А полдень игриво морщит
И тени и лица,
И от сверкания окон
Свет шелушится...

СОЛЯ

Зеленые блесны речки,
Зеленый вечерний воздух,
Взгляд удивленной овечки
Стекает смолою в воду.

Запахли дома колыбелью,
Когда застучали двери,
Сбежало эхо с нагорий
Послушать лягушечьи трели,

Присела Луна на тополь
И дразнит лягушек в лужах,
А робкие звезды просят:
— Луна! Не мешай нам слушать...

Танцую на зыбких протоках,
Луна их и слышать не хочет,
Раздула лимонные щеки
— Аж глаз не видать!
И хохочет!!!

И только уснули калитки,
Открыла их девочка Соля,
Зовет она поле во дворик,
Далекое мглистое поле:

— Поле мое родное!
Тебе там темно, одиноко.
Идем поиграем в мячик,
Под наши желтые окна!

Дохнуло печалью поле,
И стало печально Соле,
И поле ей улыбнулось
Прохладным, ночным безмолвьем.

ДОЧЕРИ

Дочь моя, белое утро,
Хрупкий тревожный праздник,
Мною себя укутав,
Солнце улыбкою дразнит.

Меркнут в апреле вишни
Рядом с ее улыбкой,
Голос ее услышав,
Рвут свои струны скрипки,

Нежнее любви и апреля,
Ее дыхание и кожа,
Ковры задушевности стелят
Шажки ее маленьких ножек.

Дочь моя, белое утро,
Хрупкий тревожный праздник,
Мною себя укутав,
Солнце улыбкою дразнит...

СИНЬ ВДАЛЕКЕ

Молчанье. Молчанье. Молчанье.
Шагами вечерней тени
Уходят в сумерки звуки,
Оставив звон запустенья.

Задетые ветром, качаются ветви,
Колышутся шторы и в комнате тесно,
Ступенями алой зарницы восходит
Зеленое небо предчувствия бездны.

Лишь эхо кочует семью голосами,
За западным склоном, рябым и
печальным,
Кочует в ущелье, набитое снегом,
И тает, нигде никого не встречая...

ААООУУММММ

Пока пастух своей молитвой занят,
Иссохшим мозгом постигая Мекку,
Пастуший пес глядит в костер глазами
Несбывшегося человека...

ЯНВАРЬ

Волна зари в квадрате января
Взбухает силуэтами нагорья,
Снега. Снега неистово горят
Огнем непостижимых ораторий.

Снега. И в них вмерзают наши даты,
Петроглифом изломанной осоки,
Снега страниц — зияют фолианты,
Исчерканные синевой поселков, ..

САЛИЯ

Вернутся стада, колыхаясь в пыли,
Забьют молочные струи в подойник,
И вздрогнет в задумчивости старик.
И розовость снега в прохладе потонет...
Но снег на вершинах — всегда, отовсюду,
Намертво впаян в темный рассудок.
— Неизъяснимое объяснение, дочь моя...

Мы вспомним запах вечерней тропы,
А тропы кочуют по венам,
Старческий голос и шелест травы,
И гул омертвевших мгновений,
И где-то дорогу ночей рассечет
Расчетливый окрик совы,
И ветер исступленно и горячо
Раздует сущность золы...

Увидишь, как рушатся замыслы рек
Феерией закатов,
Услышишь, как ширится дрожью бег
Предгрозовых раскатов.
Там, где холодно и упрямо
Дали лгут синевую,

Глухо падает сон на рамы
Треснувшим эхом прибоя.
Там выцветают платья,
Серостью выцветают,
Между апрелем и ноябрем
Тянутся птичьи стаи,
Опадающим календарем
Между апрелем и ноябрем...
Увидишь: поющие девушки в поле
Белеют во мгле, как сухие початки,
И тают над ними прощальные нити
Паучьей судьбы — потаенной и краткой.
И здесь, где порез горизонта так ал,
И лошадь на привязи дремлет,
Нахлынет сиротство издалека,
И с нами вернется в землю...
Не знать бы тебе, как необратимо,
Навеки и тайно угаснут мотивы
Бредущего стада и лени воскресной,
Под небом, родная, порою так тесно,
Порою так горько от серого ветра,
Когда он приносит родные приметы,
И запахи души тоской теребят,
И ты на мновенье *постигнешь себя...*

УХОДЯ

И снова полночь, как утопленника тиной,
Обволокла, забила рот и уши,
И месяц белой долькой анальгина
Высокой башни боли не разрушит.

Мне с этой башни видно, как седеет
Твое окно в морозе ожиданья.
Я у подножья смерти, и надеюсь
Забыть себя. Забудь и Ты с годами.

Пока меня кошмары не настигли
Кровавыми безглавыми стадами,
Пока тоска не раскалила тигли,
И прошлое не строится рядами...
Забудь меня — я сын других планет.
Но помни — жизнь Тобой была во мне...

* * *

В зеленых узорах обоев
Не гаснет рисунок левкоя
И пряный запах витает
Приснившимся в детстве Китаем

А рамы на окнах стекают
Полумраком голого сада
Где темным вороньим стаям
Снится сияние клада

Обрезанный тенью сарая
Стоит волкодав дремучий
Тревожным обрывистым лаем
Пугая луну и тучи

И ночь вороной кобылицей
Блестит зрочками созвездий
И млечной тропой пылится
Столетний задумчивый ветер

НАВАЖДЕНИЕ

В меня вливаются пустота и лай.
То ночь плывет эпической галерой,
И зеркало запнется невзначай
Магическим гипнозом револьвера.

Во мне долина, изморозь и кони,
И вечный вечер — прогоревшим маслом,
Фальцет луны и стон аккордеона
Про то, что было светом и погасло.

И бьют часы в Колокола бессонниц,
И кровь в виски — удары за ударом,
И мчатся полем бешеные кони,
Сметая рукокрылые кошмары,

И все, стихает эхо ноября,
И возвращает детские мотивы.
Во мне опять холодные моря,
Дожди и окровавленные гривы...

ВЕСЕННЯЯ СУБЛИМАЦИЯ

По клавишам стекол, на такт отстающих
от птиц,
В бельканто ветвей, уличающих свет
в мотовстве,
По гаммам забытых в быту атмосферных
частиц,
По дробным аллеям, конвоем ведущих
тот быт на расстрел...

Все верно. Приметы не врут. Во спасенье
хотя бы...
Как лица и даты, смещенные к адским кругам,
Где вместе пестрят: и апрель, и январь,
и сентябрь,
Как числа и буквы внезапных ночных
телеграмм...

Все верно. Уйти невозможно —
бессонницы маятник чуток,
Качаясь, меняет свою амплитуду тирад
Под сбивчивый шепот иных измерений
обыденных суток,
За что нам так выпало жить в
сопредельных мирах...

* * *

Из белого тумана — мерный цокот.
— Луна! Тебя дороги забывают,
И свет без цвета сыплется из окон
Садящейся на снег гусиной стаей.
Скрипят спешащие снега в созвездье
Рака.
— Луна! Последний волк Тобою бредит,
И горный ветер ринулся в атаку,
И холод лужи сединою метит...

---

* * *

Набывшись тенью, уходят ущелья
В просвет ледников по речным
перекатам,
Где в вечных снегах сохранили доныне
Свои первобытные формы — закаты.

И мне бы уйти в эти дали безмолвья
По шепоту змей, над обрывом манящим,
Все дальше, в тиски затаенного эха,
Влекущего в небо ступенькой звенящей...

НЕ ТАК

Созвездья мерцают, как ствол пистолета,
В упор.

Обливаясь сверкающим потом,
Темные души в сплетении веток
Стопнулись у окон,

шуршанье, как шепот.

Как легкий озноб в темноте прокатился,
Размеренный вздох переборов гитары,
И где-то, стихая отстрелянной гильзой,
Развевал по воздуху эхо пространства...

ДРУГАЯ ПАМЯТЬ

Врастая в сумрак нитью корнеплода,
Я наблюдал, как горизонты меркли
За геометрией окна, угла комода,
Шепча неистовые откровенья Беркли.

Я вспоминал Каббалу — дочь мигрени:
Бог числами творит свою Пальмиру.
Картину благолепного Творенья
Назвав семитским «Сефер Иецира»

Еще «Зогар», чье бледнее сиянье
Даровано настырным книгочаям,
Постигшим Бога в штыковой атаке
Сквозь круглые оправы ополченья.

Абсурды Плотина, бесформенность Зенона,
Насмешливость Сократа, белый берег,
В который бьются в ритме размышленья
Насыщенные мифами моря...

Урчащие, как избалованные звери,
И эхо ветра, будто крик Циклопа.
Да. Я хотел бы быть всего лишь Диогеном
из Синопа.

* * *

Глядят унылые кони
В глазницы пустынных окон
И ужас ихогревает
Своим электрическим током

Помчались конские визги
Три раза споткнувшись о скалы
А вслед им из окон глядели
Пустоты в немом оскале

* * *

Дочь моя, раскинув руки,
Бежит ко мне навстречу,
А в этот миг седое время
Следит за нею, как кречет.

ПРИСТАЛЬНЫЙ МРАК

Траур желтый на траур белый,
На гитару аккордом округлым,
На шуршанье бумажных камелий,
На суровые складки Юга.

Траур синий на траур алый,
На рыдания в день погожий,
На смятение в десять баллов,
На бумажную хрупкость кожи...

Траур черный на траур серый,
На глаза ослепших спросонок,
На настойчиво синий север,
На растоптанный свист перрона.

На прямые кинжалы света,
На молочные сгустки люстры,
На безжалостный срез конверта,
На разбухшее сердце утра.

На удвоенный траур мела,
На летучий траур укропа,
Да на мир, что так беспределен,
На седой отголосок вопля...

СТАККАТО БРОДЯГИ

В моем «вчера», в семи моих подобьях
Застыли в раскадровках фрагменты
переулков,
И желчь моих прохожих, расставленных
по кругу,
И серый цвет заката — надежного
надгробья...

Сегодня только тело — набор одних
суставов,
Напоминает город, субботу, тротуары,
А в известковых далях резвятся ягуары,
И потолок считает, как мало мне осталось...

Но я еще хотел бы услышать голос бабки,
Решившей, что автобус — ее
исповедальня,
Наивная старушка, люблю тебя печально.
И ветеран. Вас тоже, и Ваш фасон
парадки.

СИРАЯ ПАЛИТРА

Фиолетовое на сером,
Остановлено сердцебиенье,
И таинственное «зеро»,
Реку белую красит и пенит.

Слишком черное вдоль бордовых,
На ногах распухают мозоли,
Пахнет пашня горечью вдовьей,
Пауками на антресолях.

Фиолетовое с красным,
И уже спиралями смерча
Фиолетовое гаснет,
И летит желтизна навстречу,

И уже от локтей знакомой
Белизною снега скатились,
От изгиба ее, от излома
Засветился иней могилы...

Так метается в поисках грани
Светотень вечернего платья,
Так метается, но таранит
Синеву ее мрак кровати...

Золотистое светится белым...

РЕКВИЕМ

На краю фиолетовой рощи,
Чуть заляпанной стаей галок,
Бродит старая белая лошадь,
А на ней февраль и усталость.

Очень мягкие ноздри чуют
Потаенные замыслы снега,
Тени веток рисунком сбруи
Волочатся за лошадьёю следом.

Если сердце — высохший тополь
Если снятся одни лишь реки,
Если небо прощается в окна,
Как прощаются только навеки...

В двор, где дети ее погладят,
Принесет свою грустную ношу
С бесконечным эхом во взгляде
Бесконечно старая лошадь,

Где хозяин найдет ей сена,
И, вздыхая, потреплет холку,

А потом поведет ее в рощу,
За плечо закинув двустволку.

Если все так неотвратимо
Если все уже неотвратимо,
Если все уже неотвратимо
Превратится в вечные зимы.

На краю фиолетовой рощи,
Потемневшей от стаи галок,
Осыпается воздух порошей
На упругий куст краснотала.

Две сороки на тонкой ветке
Раскачались, как на качелях.
И летит высокое небо,
Синевою виолончели...

УЗКИЕ ЛАДОНИ НА ГЛАЗА

Я на темной горе, на крысиной тропе,
И не хочется просыпаться,
Ибо снится мне синий и красный Тибет,
И библейская грусть акаций.

Чернокнижные мертвецы января
Застучали по льду бездорожья,
И кокардами смерти вороны парят,
И растут тростники под кожей.

Половина подкорки в дыму сигарет,
Половина залита водкой,
Пережеванной пленкой нашептан бред
Воспаленной ткани подкорки...

— Восемнадцатое января, об стекло,
намело,
Вестибюль, виноват, рябоват, и без
грима,
Президиум, пиво, автопилот,
Белое с красным, цитата — «во имя...»

Рот в абсолютном квадрате гнева,
С расчлененными дольками хруста,
Сны истекают по кромке неба,
Алыми капельками — «виа хрусто».

Перечень жухлых плодов натюрморта.
Рецептом для самоубийцы
Адский регламент — сон и работа,
На пожелтевших лицах.

И вдаль маршируют под ругань и пенье
колонны сутулых пьяниц.
Поиск. Глухой лабиринт откровенья.
Могилы. Заснеженные изваянья.

— Господи! Позволь не родиться!!
А если уже и родился. Луна!
Праматерь моя, тигрица,
Не оставляй нас крысам!!

Вот этот мыслящий студень,
Разлей по формам стаканов.
Корявые наши судьбы —
Коралловым сном наркомана...

ЗАДЕРЖИВАЯ ДЫХАНИЕ

В час между сном и шагами в подъезде,
Звучащих прибоем для дна каравеллы,
Исчезли опоры у ритмов и сердца,
Любившего горько и так неумело.

— Уйдем же, родная, отсюда,
От этого привкуса мела,
Уйдем же, пока пустота
Вместе с телом не зазвенела.

Вот этим безмолвьем, прерывистым
сдержанным вздохом,
Молитвой, которую нам нашептали
чужбины,
Ведь, собственно, нам и в восьми
горизонтах неплохо,
Таящих в своих пределах немые
глубины.

И, абрисом тонким вибрируя в трех
измереньях,
И лужей, в которую вдруг угодили
подошвы,

По нитке дисканта, в провалы порезанной
вены,
Уйдем же под древком осенних ветров
бездорожья.

Да, ветер. У нас не осталось других
оперений,
Помимо примет непогоды, обманчиво
невесомых.
— Уйдем же, родная, туда, где мы сами и
есть безысходное Время,
Пока мы верны своему очертанью и
слову.

А мир раскидает ладони своих
горизонтов
Растроганным жестом последних лучей
на заборе,
Смыкаясь объятьями — воздух орлиного
взлета!
Навеки! Навеки слепым одиночеством
моря...

СОДЕРЖАНИЕ

Осень.....	3
Декабрь.....	4
Гуку.....	5
«Отче пепел».....	7
Март.....	9
Начало декабря.....	10
Ноябрь.....	11
Рассвет.....	12
Кайрат.....	13
Осколок.....	15
Хызр.....	16
Картинки из окна.....	18
Апрель.....	19
Октябрь.....	20
Осень.....	21
Зима.....	22
Февраль.....	23
Портрет художника в детстве.....	24
«В этот день бесконечный...».....	25
Дочери.....	26
Все теперь далеко.....	27
Восьмикратное ненастье.....	28
На склонах округлых.....	30
Аххаоол.....	32
«Безмолствуют ключи...».....	33

Отец.....	34
Мимолетное	36
Прощаясь	37
Субботный мотив.....	38
Осеннее	39
Соля.....	40
Дочери	42
Синь вдалеке.....	43
Лаоооууммм	44
Январь	45
Салня	46
Уходя	48
«В зеленых узорах обонв. . .»	49
Наваждение.....	50
Эльмира.....	51
Весенняя сублимация.....	52
«Из белого тумана — мерный цокот. . .».....	53
«Набычившись тенью, уходят ущелья. . .»	54
Не так	55
Другая память	56
«Глядят унылые кони. . .»	57
«Дочь моя, раскинув руки. . .».....	57
«Удар луча в окно — вращение планеты. . .».....	58
Пристальный мрак.....	59
Стаккато бродяги.....	60
Сирая палитра.....	62
Реквием	63
Узкие ладони на глаза.....	65
Задерживая дыхание.....	67
«Виноградники детства — сокровенные арки. . .»	69

Литературно-художественное издание

Устемиров Диас

СИНЬ ВДАЛЕКЕ

Сборник стихов

Бишкек, издательство «Турар»

(На русском языке)

Дизайнер *Р. Төлөбеков*
Компьютерная верстка *Б. Уланова*

Подписано в печать 19.11.2018 г.
Формат издания 60х90 ¹/₃₂, 2,25 печ. л.
Заказ № 1854. Тираж 500.

Отпечатано в типографии издательства «Турар».
720031, г. Бишкек, ул. М.Горького, 1.